

В. А. Черкасов

<https://orcid.org/0000-0001-9581-1487>
✉ cherkasov.valeri@mail.ru

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (Россия, Белгород)*

СТИХОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИК А. С. ПУШКИНУ

Рецензия на: Пушкин в стихах современников. 1813–1837 / [Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН]; Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М. В. Строганова. М.: Центр книги Рудомино, 2024. 704 с.: ил.

Для цитирования: Черкасов В. А. Стихотворный памятник А. С. Пушкину // Шаги/Steps. Т. 12. № 2. 2026. С. 360–368. EDN: YUDJJK.

Поступило 4 августа 2025 г.; принято 3 апреля 2026 г.

V. A. Cherkasov

<https://orcid.org/0000-0001-9581-1487>
✉ cherkasov.valeri@mail.ru

*Belgorod National Research University
(Russia, Belgorod)*

POETIC MONUMENT TO A. S. PUSHKIN

A review of: Stroganov, M. V. (Ed., Intro., & Comment.). (2024). *Pushkin v stikhakh sovremennikov. 1813–1837*. [Pushkin in poems by his contemporaries. 1813–1837]. Tsentr knigi Rudomino. 704 p. (In Russian).

To cite this review: Cherkasov, V. A. (2026). Poetic monument to A. S. Pushkin. *Shagi/Steps*, 12(3), 360–368. EDN: YUDJJK.

Received August 4, 2025; accepted April 3, 2026

Михаил Викторович Строганов издал фундаментальный труд, подводящий итог его многолетним изысканиям в области собирания и комментирования поэтических отзывов современников о личности и творчестве А. С. Пушкина. В пушкиноведении этот исследовательский дискурс имеет давнюю историю, восходящую к рубежу XIX–XX вв., когда В. В. Каллаш [1899; 1902; 1903] опубликовал свои богатые собрания стихотворных произведений, посвященных поэту. Строганов отдает должное заслугам этого ученого, указав на него — при всех приличествующих данному случаю оговорках о заслугах пушкинистов XX в. — как на своего прямого предшественника в теоретических установках по составлению рецензируемой книги.

По наблюдению И. Н. Розанова, Каллаш стремился «дать исчерпывающий материал», включая в свои сборники «не только стихотворения, целиком относящиеся к Пушкину, но и отдельные места и упоминания о нем в других произведениях, а также пародии и явные подражания» [Розанов 1934: 1031]. Кроме того, Розанов отметил как примечательную особенность сборников Каллаша включение в них не только апологетических в отношении Пушкина стихотворений (что было бы более чем естественно, учитывая юбилейный общественный контекст их появления), но и многочисленных антипушкинских эпиграмм и пародий на произведения поэта. Он первым указал на большое историко-литературное значение подобных материалов, правда, приписав при этом Каллашу неотрелфлексированность собирательского подхода: «Каллаш включал в свои сборники и пародии, не подозревая всей ценности этого материала при определении отношения к Пушкину его современников» [Там же: 1027].

Каллаш в сборнике 1899 г. обосновывал свою установку сплошного собирания материала принципиальной аконцептуальностью исследовательской позиции: «Собирая и печатая все, что только можно было собрать, мы этим устранили и субъективность выбора» [Каллаш 1899: 5]. Однако в сборнике 1902 г. после довольно суровой критики по поводу случайности выбора текстов он был вынужден апостериори объяснить свой эстетически «всеядный» собирательский подход научным интересом к общественному восприятию личности и творчества Пушкина:

Я помещал и впредь намерен помещать заведомо слабые по форме стихотворения, важные иногда по своим идеям и вообще нужные для общего подсчета, для широкой характеристики общественных отношений к Пушкину. Разве не важно определить, какие стороны его личности и творчества выдвигались поэтами, отражавшими общественное настроение или влиявшими на него — как бы ни были слабы произведения этих поэтов? [Каллаш 1902: 40].

Строганову близки указанные установки Каллаша: «...в отборе текстов я иду по тому же пути, что и В. В. Каллаш, и включаю в свое собрание все выявленные стихотворения» (с. 7). Он стремится представить максимальное количество известных текстов, невзирая на их эстетическую, лите-

ратурную ценность либо на известные этические ограничения, могущие послужить поводом для цензурирования отдельных слов, фрагментов, а то и целых произведений. Так, он акцентирует внимание читателя на анти-пушкинской составляющей своего сборника, указывая на существенное значение отрицательных стихотворных отзывов о творчестве поэта, — включая сюда и многочисленные пародии на его произведения, с точки зрения исторической поэтики, — как осознания современниками литературного новаторства Пушкина: «Поэтому современные Пушкину “ругацкие” стихотворения по-своему гораздо интереснее, чем “хвалильные”, потому что те, кто ругал, особенно остро подмечали то, что было новым у поэта. Именно новое они не понимали и не принимали. И реагировали и указывали на него безошибочно. Их от этого корчит, топорщит. И они нам это показывают» (с. 10).

Кроме того, Строганов считает нужным отвести значительное место в предисловии подробному освещению корпуса интимных стихотворений на тему женитьбы Пушкина. Эти «домашние» тексты, принадлежавшие перу родственников и друзей поэта (Л. С. Пушкин, В. Л. Пушкин, П. А. Плетнев, П. А. Вяземский, В. С. Голицын и т. д.) и, естественно, не предназначенные для обнародования, интересны для публикатора как признак общественного внимания к лидеру современной массовой культуры, одним из негативных последствий которого является нарушение «внутренней жизни частного человека» (с. 17).

Отдельного упоминания заслуживает корпус иноязычных стихотворных текстов. Несомненным достоинством рецензируемого издания является самое пристальное внимание к их переводам на русский язык. Составитель не ограничивается одним переводом «Крымских сонетов» А. Мицкевича, но печатает все варианты, которые могли стать известными Пушкину. Он дает два прозаических автоперевода с персидского языка стихотворения М. Ф. Ахундова на смерть Пушкина, а также переводы послания Г. Олизара к Пушкину с польского и французского языков. Строганов демонстрирует незаурядное стихотворное мастерство, публикуя в собственном переводе произведения польских поэтов П. Дальмана и Ст. Яжовского на смерть Пушкина.

Таким образом, составитель сборника как известный исследователь массовой культуры ставит перед собой задачу представить с максимальной степенью научной объективности, в том числе с учетом достижений современной истории русской литературы, картину восприятия «первочитателей» пушкинских творений, не ограничиваясь при этом государственными либо этническими рамками, и поэтому для него весьма ценным оказывается исторический прецедент уникальных сборников такого авторитетного ученого, как Каллаш.

Однако в отличие от последнего, поставившего перед собой грандиозную по своим масштабам задачу сплошного собирания стихотворных текстов о Пушкине, написанных начиная с 1810-х годов по юбилейный

1899 г., Строганов хронологически ограничивает корпус собранных им текстов годом смерти поэта.

Это решение мотивировано существенным для структурирования сборника принципом диалогичности для стихотворных произведений, написанных до смерти Пушкина. Строганову важно рассмотреть восприятие «первочитателей» пушкинских произведений в контексте «обратной связи» с самим объектом восприятия, и, наоборот, не менее существенное значение для ученого имеет рассмотрение субъектного отношения Пушкина к стихотворным отзывам своих «первочитателей». «Прижизненные посвящения важны потому, — толкует Строганов структурообразующий для его сборника принцип диалогичности, — что Пушкин мог их читать и как-то на них реагировать. Или, наоборот, сами они появлялись в ответ на какие-то высказывания Пушкина. Поэтому меня в настоящем сборнике, где современники отзываюся о современнике, интересует не качество текстов, а просто всё, что было написано в стихах по поводу Пушкина при его жизни. Ценность прижизненных стихов о Пушкине в том, что он мог их учитывать и отвечать на них. И на многие тексты он действительно отвечал, из чего получались подчас очень интересные литературные диалоги, важные факты истории литературы» (с. 9). Принцип диалогичности поддерживается не только соответствующим подбором текстов в собрании стихотворных произведений, но и сопровождающими их комментариями: «...описываем знакомство Пушкина с этим стихотворением, а иногда — и весь последующий диалог Пушкина с данным автором» (с. 23). В понятие диалога составитель включает почти исключительно вербальные акты. Игнорирование акциональной стороны диалогических отношений поэтов-современников и Пушкина является само собой разумеющимся структурным принципом его книги.

Посмертные посвящения Пушкину образуют в сборнике отдельную, как бы монологическую часть, если судить в феноменальной плоскости восприятия. На самом деле именно в этой части как никогда через все условности поэтической школы «гармонической точности» проявляется неподдельная любовь современников к личности и творчеству Пушкина, мистическое чувство, предполагающее вечное общение с возлюбленным.

Строго говоря, составитель нарушает добровольно принятые им на себя хронологические рамки собирания текстов, и в его сборнике читатель найдет стихотворения и 1840-х и 1850-х годов. Только в 1875 г. Россия узнала о том, что она, говоря словами Ф. И. Тютчева, *не забудет* свою *первую любовь*. Строганов учитывает уникальную социокультурную ситуацию, в которой оказались современники ухода Пушкина, а также связанный с нею литературный романтический контекст, допускающий диалог с умершими людьми в буквальном, мистическом значении этого слова. Обращение современников к Пушкину после его гибели вынесено на поля основного корпуса стихотворений, в область относительной свободы от жестких правил его структуризации по функциональному и хронологическому принципам. «Если автор и после смерти Пушкина об-

рашался к нему, мы это также отмечаем в комментарии» (с. 23), — на языке схолиастов поясняет Строганов эту тонкую материю «для немногих».

В отличие от Каллаша, Строганов весьма внимателен к литературному контексту публикуемых им стихотворений. Он, как правило, публикует их полные тексты по первоисточникам либо по наиболее авторитетным изданиям. При необходимости учитывается прозаическое окружение стихотворных произведений. В сопровождающих комментариях дается «справка о первой публикации и сопровождающий контекст...» (с. 23). Из стихотворений на смерть А. С. Пушкина в сборник впервые включены следующие тексты, созданные под влиянием непосредственного впечатления от трагического известия:

— Ф. Ф. Бартоломей. «Друзьям-товарищам Пушкина. По прочтении недоконченной им лицейской годовщины 1836 г., помещенной в [“]Современнике[”] в 1837 г.» («Вот так он пел, товарищ ваш и друг...»);

— Г. Зенкович. «Могила поэта» («Я вижу камень гробовой...»);

— П. Золотов. «Могила Пушкина» («Уж вечер. Звезды запыхали...»);

— Л. Манзини. «In morte del poeta Puschkin. Sonetto» («Cinge le tempia di feral cipresso...»);

— Р. Мопен. «La mort d’A. S. Pouchkin» («Encor des chants mon luth, mêlés d’amers regrets...»);

— Г. Ф. Г. фон Рустиге. «Puschkins Bestattung» («Die Straßen so hell, der Himmel so duster...»);

— Неизвестный автор. «На смерть А. С. Пушкина» («Осиротели мы... Уж нет душе улады...»);

— Е. Н. Пучкова. «На смерть Александра Сергеевича Пушкина»;

— Е. Н. Пучкова. «Мысли при разных толков [sic!] о смерти Пушкина».

Книга предназначена в первую очередь для профессионального читателя. Именно для него составитель предлагает целые исследовательские сюжеты, для решения которых необходимо хорошо ориентироваться не только в пушкиноведческой литературе, но и в первоисточниках, откуда взят тот или иной публикуемый в книге текст. Так, Строганов приводит посвящение В. С. Филимонова Пушкину, надписанное на подарочном экземпляре поэмы «Дурацкий колпак» (с. 264), а в комментариях цитирует ответ адресата послания, в котором Филимонову приписывается «осторожный колпак» (с. 265). Очевидно, чтобы понять смысл этой пушкинской характеристики, читателю необходимо обратиться к полному тексту поэмы Филимонова, опубликованной, судя по комментарию Строганова, единожды в 1828 г. (с. 264). Далее, в книге приводится фрагмент из стихотворения Ф. Н. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (с. 363–364). Чтобы выяснить контекстуальное значение появляющегося в этом фрагменте мотива пушкинского творчества, необходимо обратиться к полному тексту произведения, опубликованному, по Строганову, отдельным изданием в 1830 г. (с. 364), не говоря уже о том, что необходимо освежить в своей памяти сведения о личности Марфы Иоанновны, о ее карельском заточении, напоминающем житийный сю-

жет. Строганов предпочитает лишь указать на существование антипушкинского пасквиля М. А. Бестужева-Рюмина «Сплетница»; любопытствующему читателю предлагается обратиться опять-таки к первоисточнику, а именно — к газете «Северный Меркурий» за 1830 г. (с. 281).

По признанию составителя, его книга не претендует на исчерпывающую полноту. Приветствуется вклад других исследователей в данную область пушкиноведения. Пользуясь любезным приглашением маститого ученого, мы хотели бы внести некоторые дополнения и поправки в его комментарии.

Как показал Ю. Н. Тынянов [1934: 361], отрывок из «Евгения Онегина»:

Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит (2, VIII, 9—14) —

следует считать ответом Пушкина на стихотворение В. К. Кюхельбекера «Поэты» (1820), размещенное в сборнике Строганова под номером 16.

Ср. соответствующий фрагмент из «Поэтов» Кюхельбекера:

Когда избранники из вас,
С бессмертным счастьем разлучась,
Оставят жребий свой высокий,
Слетят на смертных шар далекий
И, в тело смертных облачась,
Напомнят братьям об отчизне,
Им путь укажут к полной жизни:
Тогда, с прекрасным примирен,
Род смертных будет искуплен! (с. 65).

Строганов не учитывает указанную реминисценцию Тынянова в рамках продекларированной установки на диалогичность как структурообразующий принцип своего сборника.

Согласно Ю. М. Лотману, эпиграмма Пушкина 1820 г. на Ф. П. Толстого-Американца «В жизни мрачной и презренной...» (с. 28) находится в отношении «явной стилистической взаимозависимости» [Лотман 1995: 397] с его посланием «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...», 1821) и, другими словами, тоже может рассматриваться в рамках диалогических отношений Пушкина со своим клеветником как текст, по крайней мере дополняющий приводимую Строгановым эпиграмму. Для читателей, ждущих объемного освещения диалога Пушкина и Толстого-Американца, особенно остро ощущается нехватка реального комментария к указанной эпиграмме об их действиях друг против друга. К слову сказать, судя по датам появления текстов, едва ли не Толстой-Америка-

нец выступал в роли отвечающего на пасквильное обвинение Пушкина в его шулерстве: «картежный вор» (с. 82).

Ссылка на М. Л. Гофмана как на авторитетный источник в определении адресата послания Е. А. Боратынского «К***» («Не бойся едких осуждений...», 1827) (с. 242) сомнительна, поскольку в позднейшей работе ученый аннулировал свое утверждение о том, что Пушкин является одним из упомянутых адресатов:

Такова сила внушения, что эта пьеса, вплоть до академического издания, во всех изданиях сочинений Боратынского печаталась под заглавием «А. С. Пушкину», между тем как во всех современных копиях жены поэта, Ан. Л. Боратынской, стихотворение озаглавлено «А. Н. М.», т. е. Андрею Николаевичу Муравьеву, ученику Боратынского в поэзии: не «наставнику и пророку» Пушкину указывает Боратынский с укоризной на лавровый венок и дает ему наставления, а «наставник и пророк» Боратынский дает наставления юному, начинающему поэту, своему ученику — А. Н. Муравьеву [Гофман 1926: 74].

Отрывок из стихотворения Боратынского «Осень» (1837) печатается не по первоизданию в журнале «Современник». Предлагаемый Строгановым фрагмент впервые появился в книге Боратынского «Сумерки» (1842) и перепечатывался затем в посмертных изданиях сочинений поэта. В свое время В. Я. Брюсов совершил ошибку, указав на личность Пушкина как на реальный прототип образа «пошлого гласа, вещателя общих дум» (с. 541) из этого варианта «Осени». На самом деле, как показал Гофман, в варианте, опубликованном в 1837 г. в «Современнике», присутствовал образ «дикого гласа», который, по мнению ученого, явно не соответствует высокому мнению Боратынского о стихотворном мастерстве Пушкина: «...выражение же “дикий глас” звучит непонятно-дико в применении к Пушкину, к тому Пушкину, которого знал, любил, признавал и высоко ценил Боратынский» [Гофман 1926: 77].

Наконец, отметим одну техническую погрешность в изданной, впрочем, прекрасно книге и одну опечатку.

Сноска на с. 283 относится, очевидно, к названию стихотворения П. А. Катенина «Старая быль», которое указано на следующей странице. На с. 164 как актуальное указывается название улицы Халтурина в Санкт-Петербурге.

Подводя общий итог нашим наблюдениям, заметим, что составитель рецензируемой книги не придает ни концептуального, ни биографического значения собранному им материалу и сопровождающим его комментариям. Он последователен в преследовании только двух целей: максимальной полноты собранного материала и его точной атрибуции. Поэтому его предисловие, в котором он между прочим приходит к обоснованному выводу о доминирующем в восприятии поэтов-современников концепте Пушкина как романтического поэта, выглядит совершенно естественно как апостериори в отношении к собранным материалам; как *послесловие*,

согласно индуктивной логике. И в этом отношении труд Строганова в выгодном свете отличается от мнимо индуктивного подхода В. В. Вересаева, автора знаменитого «Пушкина в жизни». Давно замечена работа последнего «ножницами» [Шкловский 1937: 32] над созданием концепта «пошлого Пушкина» [Вересаев 1990: 5]. Однако Строганов отдал должное мифопоэтическому значению собранных им материалов, для возникновения которого образ автора и его перцепция играют существенную роль. Он убедительно показал, что концепт Пушкина как «национального поэта» [Шеметова 2011: 8] начал формироваться в общественном сознании сразу после безвременной кончины поэта, а усилия Каллаша по сборанию и обнародованию поэтических свидетельств современников способствовали его окончательному оформлению в эпоху юбилейных торжеств 1899 г.

Источники

- Вересаев 1990 — *Вересаев В.* Сочинения: В 4 т. Т. 2: Пушкин в жизни / Ред., сост. и вступ. ст. Ю. Фохт-Бабушкина. М.: Правда, 1990.
- Каллаш 1899 — Русские поэты о Пушкине: Сб. стихотворений / Сост. В. В. Каллаш. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1899.
- Каллаш 1902 — *Каллаш В. В.* Pushkiniana. [Вып. 1]. I: Библиографические труды о Пушкине, их общий характер и научное значение. II: Стихотворения о Пушкине (1817–1849). Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1902.
- Каллаш 1903 — *Каллаш В. В.* Puschkiniana: Материалы и исследования об А. С. Пушкине. Вып. 2. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1903.

Литература

- Гофман 1926 — *Гофман М. Л.* Клевета на Боратынского // Благонамеренный [Брюссель]. Кн. 1. 1926. С. 73–81.
- Лотман 1995 — *Лотман Ю. М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; Евгений Онегин: Комментарий / [Вступ. ст. Б. Ф. Егорова]. СПб.: Искусство-СПб, 1995.
- Розанов 1934 — *Розанов И.* Пушкин в поэзии его современников // Литературное наследство. [Т.] 16/18 / [Под ред. И. С. Зильберштейна, И. В. Сергиевского]. М.: Жур.-газ. объединение, 1934. С. 1025–1042.
- Тынянов 1934 — *Тынянов Ю.* Пушкин и Кюхельбекер // Литературное наследство. [Т.] 16/18 / [Под ред. И. С. Зильберштейна, И. В. Сергиевского]. М.: Жур.-газ. объединение, 1934. С. 321–378.
- Шеметова 2011 — *Шеметова Т. Г.* Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2011.
- Шкловский 1937 — *Шкловский В.* Вересаев о Пушкине: [Рец. на: *Вересаев В. В.* Жизнь Пушкина: Биогр. очерк. Ростов-на-Дону: Азчериздат, 1936] // Детская литература. 1937. № 3. С. 31–33.

References

- Gofman, M. L. (1926). Kleveta na Boratynskogo [Slander against Boratynsky]. *Blagonamennyi*, 1, 73–81. (In Russian).
- Lotman, Iu. M. (1995). *Pushkin: Biografiia pisatel'ia; Stat'i i zametki, 1960–1990; Evgenii Onegin: Kommentarii* [Pushkin: Biography of the writer; Articles and notes, 1960–1990; Eugene Onegin: Commentary] (B. F. Egorov, Intro.). Iskusstvo-SPb. (In Russian).
- Rozanov, I. (1934). Pushkin v poezii ego sovremennikov [Pushkin in the poetry of his contemporaries]. In I. S. Zil'bershtein, & I. V. Sergievskii (Eds.). *Literaturnoe nasledstvo* (Vol. 16/18, pp. 1025–1042). Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie. (In Russian).
- Shemetova, T. G. (2011). *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i post-sovetskogo periodov* [The biographical myth of Pushkin in Soviet and post-Soviet Russian literature] (Abstract of Dr. Sci. (Philology) Diss., Lomonosov Moscow State University). (In Russian).
- Shklovskii, V. (1937). Veresaev o Pushkine [Veresaev on Pushkin]. *Detskaia literatura*, 1937(3), 31–33. (In Russian).
- Тупианов, Иу. (1934). Pushkin i Kiukhel'beker [Pushkin and Küchelbecker]. In I. S. Zil'bershtein, & I. V. Sergievskii (Eds.). *Literaturnoe nasledstvo* (Vol. 16/18, pp. 321–378). Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie. (In Russian).

Информация об авторе

Валерий Анатольевич Черкасов
доктор филологических наук
профессор, кафедра теории,
педагогике и методики начального
образования и изобразительного
искусства, факультет дошкольного,
начального и специального
образования, Педагогический
институт, Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы,
д. 85
✉ cherkasov.valeri@mail.ru

Information about the author

Valerij Anatol'evich Cherkasov
Dr. Sci. (Philology)
Professor, Department of Theory,
Pedagogy and Methodology of Primary
Education and Fine Arts, Pedagogical
Institute, Belgorod National Research
University
Russia, 308015, Belgorod, Pobedy Str., 85
✉ cherkasov.valeri@mail.ru